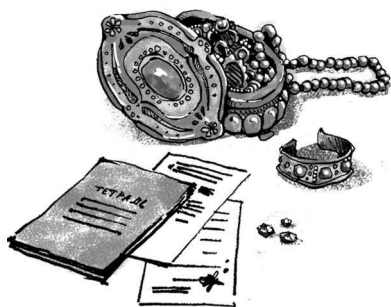

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария
Метлицкая

Челюстание
медными трубами

повести и рассказы

Москва
2022

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
П. Петрова

Иллюстрация на обложке *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Испытание медными трубами : повести и рассказы / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-094153-7

Через огонь и воду проходят многие, а вот через медные трубы — единицы.

Ленины родители были шестидесятниками-бесребрениками, и ее собственная семья мало чем отличалась от родительской: они с мужем много работали, но жили весьма скромно. Богатство свалилось на них неожиданно, и, как по наивности казалось Лене, вполне заслуженно. Но напрасно она радовалась: шальные деньги — это всегда проверка, искушение, с которым мало кто может справиться.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-094153-7

Испытание медными трубами

Жанка позвонила, как всегда, не вовремя — Лена металась по кухне и старалась приготовить ужин. Получалось у нее, как обычно, неловко. Суеты много, а толку мало. Не зря свекровь называла ее обидным словом «тетеха». Так и говорила — хорошая девка, но тетеха. Под ногами крутилась младшая, Маринка, что-то ныла по поводу новой куклы. Из своей комнаты орал старший сын, Вадик, требовал к себе мать — не получалась математика. Муж Сережа позвонил, сказал, что дома будет через двадцать минут. Лена задергалась еще больше. Котлеты, как всегда, подгорали, а суп выкипал. Стала резать салат и, как часто с ней бывало, порезала палец.

«Идиотка», — сказала она себе, и из глаз брызнули слезы. А тут еще эта Жанка. Вот черт дернул взять трубку! Лена поторопила:
— Говори быстрее, Жан!

— А что у тебя за крики? — невинно спросила Жанка. — Просто какой-то сумасшедший дом!

Лена разозлилась:

— Дети, Жан. У меня — дети! И муж с работы вот-вот вернется.

В общем, одинокая Жанка и семейная Лена друг друга безобидно подкололи. Жанка что-то торопливо верещала, но крики детей перекрывали ее тонкий голос. Из всего услышанного Лена поняла, что дело у Жанки очень важное и безотлагательное. Нужно обязательно встретиться, и желательно — как можно скорее.

— Слушай, Жан, — сказала Лена, — позволю тебе попозже, когда своих накормлю.

Жанка недовольно буркнула:

— Жду. И быстрее!

Потом пришел Сережа, как всегда усталый и недовольный. Накричал на дочь и обозвал сына бестолочью. Дочь расплакалась и побежала жаловаться матери. Сын громко хлопнул дверью и объявил, что ужинать не будет. Лена умывала зареванную дочь, уговаривала сына выйти к столу и укоризненно смотрела на мужа.

Наконец все расселись. Лена разлила суп — по старшинству, себе последней. Все ели молча и с недовольными лицами. Дочь

продолжала всхлипывать. Лена убрала суповые тарелки и поставила перед каждым второе — котлеты с макаронами. Дочка закапючила, что котлету она не хочет, сын опрокинул стакан компота, а муж с брезгливой миной на лице счищал с котлеты подгоревшую корку. Поковыряв еще немного в тарелке, он встал и трагическим тоном произнес:

— Спасибо! — И ушел в комнату.

Дети повыскакивали из-за стола и радостно разбежались. Лена устало села на стул — опять все всем недовольны. Милый семейный ужин. Обсуждение семейных проблем. Общие темы. Все дружелюбны и обожают друг друга. Ха-ха!

Она вздохнула, встала и принялась мыть посуду. Потом купала дочку, гладила ей на завтра платье в садик, делала с сыном математику, чистила его школьные брюки и заворачивала бутерброды мужу на работу — в столовой он принципиально не ел: дорого и невкусно. Потом укладывала детей — дочке обязательно на ночь сказку, сыну поцелуй. Заглянула в спальню — муж сидел перед компьютером. Не обернулся. Она вздохнула, пошла на кухню, налила себе чаю и тут вспомнила про Жанку. Прикрыла кухонную дверь и набрала номер.

— Ну наконец-то! — услышала она недовольный Жанкин голос.

Лена попросила объяснить ей суть проблемы, но подруга настаивала на личной встрече. Лена пыталась объяснить, что времени совершенно нет. Ей добавили еще три класса, а это — колоссальная нагрузка. Педагоги разбегаются, а детей становится все больше. Директриса бешеная, сходит с ума, и ее можно понять. А дома надо еще проверить кипу тетрадей и разобраться с хозяйством и детьми. Но сочувствия от Жанки Лена не дождалась. Та твердо сказала, что завтра в четыре она подъедет к школе, они зайдут в кафе и за чашкой кофе в спокойной обстановке она объяснит суть вопроса. Лена вздохнула и сдалась. Потом она долго стояла под душем — все не было сил вылезти, выпила таблетку витамина, в пользу которого свято верила, и наконец улеглась спать.

— Спокойной ночи, — шепнула она мужу.

Он не ответил — притворился, что спит. Но Лена чувствовала, что это не так. «Ну и черт с тобой, — подумала она. — Вечно я в чем-то виновата!»

Утром началась привычная суета, обычный сумасшедший дом. Муж повез дочку в садик, а Лена с сыном пошли в школу. Девятый класс пытался сорвать урок — нервы поряд-

ком помотали. Лена отыгралась на следующем, восьмом «А», — дала зверский диктант. Когда выдалось окно, съела в столовой салат «Витаминный» и пошла покурить с англичанкой Тамарой — та, не умолкая, трещала о тряпках. После шестого урока завуч собрала совещание — как всегда, ни о чем. Лена поглядывала на часы. Ровно в четыре она села за столик в кофейне. Через десять минут появилась Жанка. Заказали кофе и тирамису. Жанка, сделав большие глаза, начала объяснять суть вопроса. А дело было вот в чем. У нее появилась возможность — просто чудо из чудес — взять на борт двух человек. За такие копейки — билет пятьдесят евро. Акция для своих. На Кипр. Через пять дней — обратно. И за те же деньги. Но это еще не все. Вернее, не самое главное. А главное состоит в том, что у ее подруги Славы, которую она вместе с Леной благородно берет с собой, есть на Кипре собственный дом. Прямо на берегу моря. И эта самая Слава — кстати, очень милая дама — согласна пустить Лену на постой. И разумеется, абсолютно бесплатно. Вот такой бонус! Жанка протараторила свой текст, выдохнула и откинулась на стуле.

— Ну, как тебе раскладочка? — довольно спросила она.

Лена пожала плечами — заманчиво, конечно. Но как-то все странно — зачем Славе это нужно: незнакомая женщина в компаньонках? В ее собственном доме? Чужой человек? И если у нее дом на Кипре, так уж ей важны халявные билеты?

— Ну, халяву любят все, — рассмеялась Жанка. — А богатые — особенно. Разве кто откажется? А потом, ты не думай, она баба хорошая, без выпендрежа. И одной ей скучно. А так — будет с кем потреться, кофе попить, о жизни потреться. Я дала тебе самые лучшие рекомендации.

— Спасибо, конечно, за доверие, но я думаю, «потреться» вряд ли получится, — усмехнулась Лена. — Слишком разная у нас с ней эта самая жизнь.

— Не прибедняйся и не комплексуй, — отозвалась Жанка. — Ты, между прочим, филолог. Образованный человек. Это она должна тебя слушать, открыв рот.

— Ага, про сопли детей, про придурочных учеников, вечно недовольного мужа и тотальное отсутствие денег. Думаю, в моем лице она найдет крайне интересного собеседника, — грустно усмехнулась Лена.

— Ерунда, не бери в голову. Думай о себе. Море, солнце, пляж — и никаких забот и никаких затрат. — Жанку не так уж просто

было разубедить. — Это шанс, понимаешь? А потом пол-лета будешь сидеть в родимой школе, окна красить, а в оставшееся время — в деревне, комаров кормить и пахать на всю семейку.

— Это все так, — грустно кивнула Лена. — Но надо еще договориться на работе и решить проблему с детьми и мужем.

— Вот и решай! — кивнула Жанка. — А то посадила всех на шею, а они и рады, ножки свесили. Ничего, не пропадут. Грудных детей, слава богу, нет. На раздумье три дня. Замена быстро найдется.

Ночью Лена, естественно, не спала. Уснешь тут! «Ну хорошо, — думала она. — На работе я худо-бедно договарюсь. Подменят. Обед на пять дней тоже оставить можно. Сын до школы и обратно дойдет сам — не маленький. И сестру из сада вечером заберет. Бутерброды на работу муж сам нарежет — не развалится. Можно еще привлечь свекровь, хотя и не хотелось бы — это крайняя мера». Под утро твердо решила: надо когда-нибудь подумать о себе, тем более Жанка права — такой шанс выпадает раз в сто лет. И виза не нужна, и есть скопленные волевым усилием триста евро всем родным на подарки. И потом, она так устала за все эти годы! А что она видела за свои тридцать восемь лет? Киев

со школьной экскурсией? Вечную трепку нервов с детьми? Юрмалу с мамой в глубоком детстве? Азовское море пару раз, тоже в детстве? Питер — всего три дня? И еще — свадебное путешествие в дом отдыха под Саратовом. Там работала родная сестра свекрови. Лена запомнила этот «медовый месяц» на всю жизнь: комары, сырое белье, перловка на завтрак и ужин и беспрерывные, затяжные дожди. Все три недели она проплакала — было жалко себя, и казалось, что в жизни уже никогда не будет ничего хорошего. «Тварь я дрожащая или право имею?» — подумала она к пяти утра и, обессиленная и воодушевленная, наконец уснула.

Утром Лена не знала, как подкатиться к мужу. Испекла оладьи с яблоками, сварила кофе. Заглядывала в глаза и загадочно улыбалась. Муж смотрел на нее с большим удивлением и, как ей показалось, очень хотел покрутить пальцем у виска. По дороге в школу Лена поговорила с сыном. Вадик был в восторге. Успокаивал ее, уверял, что они справятся. Говорил, что уход за сестрой обеспечит по полной программе. Может даже пожарить яичницу и сварить пельмени. Лена смеялась и гладила его по голове. В школе она подошла к завучу. Та выслушала ее с кислой миной, кивнула и попросила привез-

ти из дьюти-фри духи «Шанель-Кристалл». Лена кивала:

— Да-да, конечно.

Вечером предстоял самый тяжелый разговор — с мужем. Дай бог, чтобы он пришел в хорошем настроении! А это бывает крайне редко. На ужин она опять расстаралась: запекла мясо по-французски и испекла шарлотку с абрикосами. В этот раз ничего не пересохло и не подгорело. Вместо халата надела брюки и блузку, причесалась и подкрасила губы. Детей накормила до прихода отца, чтобы все прошло без инцидентов, велела им сидеть тихо и не вылезать из своей комнаты. Сын понимающе важно кивнул и уволок ноющую сестру. Муж пришел с работы, как всегда, раздраженный. Понятно — пробки, устал. Посмотрел на Лену с удивлением, но ничего не сказал. Удивился тишине в квартире. Удивился вкусному ужину. Под мясо выпил рюмку коньяку. Довольный, откинулся на стуле и закурил сигарету.

— Ну, чем еще удивишь? — с ухмылкой спросил он. — Или провинилась?

«Шутит, — подумала Лена. — Уже хорошо». Она присела рядом, посмотрела ему в глаза. И начала говорить.

Муж слушал молча, опустив глаза. Лена с воодушевлением, в подробностях расска-

зывала ему о сказочном везении и невозможном шансе. Начала повторяться. Муж кивнул

— Я все понял, Лен. Все ясно. — И, помолчав, добавил: — Конечно, надо ехать.

Лена вскочила со стула, завизжала и обняла его за шею. Он внимательно посмотрел на нее:

— А ты что, думала, что я буду против?

— Я, честно говоря, очень этого боялась, — сказала она тихо.

Муж вздохнул:

— Ну и дурочка же ты у меня!

Лена расплакалась. Когда легли в кровать, муж сказал:

— Наверное, купальник надо новый. Ты же сто лет нигде не была.

Лена опять разревелась и крепко его обняла.

На сборы оставалось два дня, а вернее — полтора. Не было ни купальника, ни шлепок, ни приличного чемодана. Шлепки и купальник купили, а чемодан взяли у соседки Иришки — та была заядлой путешественницей. В назначенный час стояли в Шереметьеве в условленном месте. Как Царевна Лебедь подплыла Жанка — в голубой форме, на высоченных каблуках, в шапочке-таблетке на голове. Сережа посмотрел на нее с инте-

ресом. Видя это, Жанка жеманно подставила ему щеку, потом посмотрела на часы и заволновалась.

— Опаздывает, как всегда, королевщина, — проговорила она.

Лена почему-то тоже разволновалась — не придет сейчас эта Слава, и накроется все медным тазом. Сережа посмотрел на жену и покачал головой. Лена тяжело вздохнула. Жанка достала мобильный и принялась нервно жать на кнопки.

— Паркуется, — с облегчением проговорила она.

Минут через десять с достоинством и не спеша в зал вошла маленькая, очень тоненькая женщина с короткой стрижкой, в ослепительно-белом костюме. За собой она везла ярко-красный чемодан. Жанка всплеснула руками и бросилась ей навстречу. Когда они подошли, Жанка продолжала выговаривать Славе за опоздание. Та даже не повела бровью.

«Вот это выдержка! — подумала Лена. — Ни «простите», ни «извините». Лена как-то сразу напряглась. Слава протянула руку — сначала Сереже, потом Лене. Сережа смотрел на Славу во все глаза, только что не присвистнул. И его можно было понять — эта Слава была такая красотка, каких мало: аб-

солютно точеное лицо, ни одного изъяна. Все безупречно: глаза, нос, рот, волосы. В общем, природа постаралась, и Славины родители тоже не сачковали. Лена как-то ступешалась и почему-то расстроилась. Вспомнила «ласковое» свекровино «тетеха» и мысленно с головы до ног оглядела себя. Потом Жанка всех начала торопить, Лена попрощалась с мужем как-то скованно и неловко, и наконец двинулись. У Лены от волнения дрожали ноги — вдруг что-нибудь сорвется! Такая авантюра! Не по ее нервам. Но все прошло без сучка без задоринки, и Жанка даже умудрилась посадить их на свободные места в первом классе. Лена положила под язык леденец, закрыла глаза и вцепилась в ручки кресла.

— Боишься? — удивилась Слава.

Лена кивнула. Наконец взлетели. Самолет набрал высоту, и Лена понемногу стала приходить в себя. Слава пила кофе и листала журнал. Потом был царский ужин с вином и коньяком. Лена совсем расслабилась и почувствовала необъятное счастье и легкость, какие она чувствовала только в далекой юности, сто лет назад.

— Не волнуйся, — сказала Слава. — Дом небольшой, но удобный. Три спальни. Две

ванные комнаты. Во дворе — цветник и качели. До моря четыре минуты.

— Я не волнуюсь, — засмеялась счастливая Лена. — Я так тебе за все благодарна!

— Господи, какая ерунда! — отмахнулась Слава. — Дом все равно стоит пустой. Я бы там одна сошла с ума. А лететь надо, все проверить: счета, письма из банка, ну и вообще посмотреть, как дела. Мы бываем там редко, сын тоже туда не ездит — предпочитает Гоа, Бразилию, Чили. Ему интересны впечатления, а не пляжный отдых. Муж занят — будь здоров, а мне одной как-то влом. Грустно. С подругами не сложилось. Не все смогли пережить рост моего благосостояния. — Она рассмеялась.

Приземлились. Лена почти не психовала — помогли две рюмки коньяка. На улице взяли такси. Слава сказала, что ехать примерно часа полтора.

— Обозревай окрестности, — сказала она Лене, — а я пока подремлю.

Лена смотрела в окно: пейзаж был довольно скучный и однообразный. Зелени мало. Солнца много. Моря пока видно не было. Лена тоже закемарилась. Когда она открыла глаза и повернула голову влево, то увидела море — спокойное, серебристо-серое, с лег-

кой рябью. У Лены от восторга перехватило дыхание.

— Не радуйся, — услышала она легкий зевок и голос Славы. — Море сейчас, в мае, еще очень холодное. Позагорать — это да. А вот купаться — сомневаюсь.

Наконец въехали в поселок, как обозначила его Слава. Маленькие аккуратные виллы вдоль моря. Пальмы и яркие, разноцветные бугенвиллеи — бордовые, розовые и белые, оплетающие балконы и стены домов. Тишина — будто все вымерли. Даже несведущая Лена поняла, что «поселок» не из бедных. Машина остановилась возле типового белого двухэтажного дома с колоннами. Слава вышла из машины и потянулась. Шофер донес вещи до двери. Слава расплатилась, довольный шофер ей поклонился, а Лена смутилась и отвела глаза. Зашли в дом — никакой помпезности: белые стены, серый кафель на полу, зеленая кожаная мебель, плазменный телевизор на стене. Они поднялись на второй этаж, и Слава показала Лене ее комнату — кровать, кресло и узкий платяной шкаф. На прикроватной тумбочке уютный ночник. Короче говоря, все, что надо человеку.

— Ну как? — поинтересовалась Слава.

— Здорово! — улыбнулась Лена и добавила: — Спасибо тебе! Такой праздник!

Слава махнула рукой:

— Ерунда!

— Знаешь, в моей жизни так мало праздников! — грустно продолжила Лена.

— Ну вот и расслабляйся. — Слава уже стояла в дверях. — Я в магазин сгоняю. Есть-то нам что-нибудь надо!

Лена кивнула. Она распахнула окно и увидела, как Слава выгоняет из гаража маленький красный «Опель». Она разобрала вещи, надела купальник, сарафан и спустилась на первый этаж. На небольшой кухоньке царил безупречный порядок: в шкафу лежала пачка спагетти и одиноко стояла банка с красной фасолью. Лена вышла во двор, села в пластмассовое белое кресло и закрыла глаза. Дул легкий, теплый ветерок и пахло свежескошенной травой — на соседнем участке монотонно стрекотала газонокосилка. Примерно через час появилась Слава, увешанная пакетами. Они выгружали еду, и Лена опять смутилась и спросила у Славы, сколько она ей должна.

— Не смехи, — ответила та. — Это для меня вообще пустяки. И не парься!

Лена покачала головой:

— Это как-то неправильно, Слава. Кормить меня ты точно не должна.

— Разберемся! — махнула рукой та.

Потом они варили спагетти, посыпали их тертым пармезаном, пили кофе с нежнейшей ветчиной и хрустящим, ноздреватым, душистым хлебом.

— На море? — спросила Лена.

Слава тяжело вздохнула:

— Ну пойдём! Что с тобой поделаешь?

До моря дошли минут за пять. На пляже не было ни одного человека.

— Не сезон, — объяснила Слава. — Все подкатят недели через две, полным составом — с детьми и няньками. У половины домов в поселке хозяева русские. Гомон и шум будет, мало не покажется. Днём — дети, вечером — родители... Когда мы здесь покупали, то были одними из первых. А потом подвалили соотечественники — гуд-бай, спокойствие.

Расстелили полотенца. Пляж был песчаный, с вкраплениями мелкой гальки.

— Я купаться, — объявила Лена.

— Сумасшедшая, — прокомментировала Слава, легла на полотенце, сняла темные очки, закинула руки за голову и закрыла глаза.

Лена осторожно подошла к воде, попробовала. Холодная! Ну и пусть! Быть на

море и не купаться — какая глупость! Она быстро вбежала в воду и сразу же окунулась. Вода обжигала. Лена проплыла вдоль берега несколько метров, далеко заплывать побоялась — пловец она была еще тот — и выскочила на берег. Слава, приподняв голову, посмотрела на нее с интересом.

— Не вспотела? — ехидно поинтересовалась она.

Лена рассмеялась:

— Все равно — здорово.

— Не сомневаюсь, — ответила Слава и вежливо осведомилась: — Ты случайно не из секции моржей?

— Нет, — рассмеялась Лена. — Я из секции баб, мало чего видевших в этой жизни, и поэтому, как дурочка, радуюсь всему на свете.

Слава промолчала.

Лена обтерлась полотенцем, накинула его на плечи и села на песок.

Слава лежала, вытянувшись в струнку и сложив ладони на смуглом и упругом животе.

— Господи! — вскрикнула Лена. — Какие у тебя кольца! И серьги! Просто огнем на солнце горят. Глазам больно! — И посетовала: — Какая я все-таки невнимательная, только сейчас заметила!

— А, ерунда! — махнула рукой Слава. — Семейная история. Как-нибудь расскажу.

Домой вернулись через пару часов. Слава сказала, что ей надо разобрать бумаги, и предложила Лене пойти в комнату отдохнуть.

— Давай приготовлю что-нибудь на ужин, — предложила Лена.

— На ужин поджарим рыбу — это пять минут. Да и какая готовка? Еще здесь будешь у плиты стоять, Москвы тебе мало. Отдыхай! Что мы, две бабы, не прокормимся?

Лена пошла к себе, встала под горячий душ, быстро согрелась и легла. Она вытянула ноги, закрыла глаза и в который раз подумала, как ей повезло. И Слава эта такая милая! И не пафосная совсем. А ведь богатая баба, это понятно. И Лена опять вспомнила ее необыкновенные кольца и серьги. Потом она начала дремать и слышала сквозь сон, как Слава на повышенных тонах разговаривает по телефону.

Вечером вынесли стол в сад. Слава ловко зажарила на гриле рыбу, порезали помидоры и огурцы. Открыли бутылку белого вина. Слава повела носом — чем-то пахнет.

— Счастьем! — сказала Лена и рассмеялась.

Слава внимательно посмотрела на нее и усмехнулась. Потом ели рыбу, и Лена абсолютно честно призналась, что подобной вкусноты она не пробовала никогда.

— Просто свежая, — пожала плечами Слава, — утренний улов.

— Как у тебя все просто! — удивилась Лена. — На все есть ответ и объяснение!

— А зачем усложнять? — отозвалась Слава. — В жизни и так сложностей хватает.

Потом Лена предложила выпить за Жанку. Ведь если бы не она... Выпили.

— Бедная Жанка! — сказала Лена. — Ни семьи, ни детей...

— Глупости какие! — возмутилась Слава. — И с чего это она такая бедная? Летает по всему миру, отдыхает в лучших отелях. Ни перед кем не отчитывается за лишнюю пару туфель. Не стоит у плиты и не выслушивает ежевечерние мужские истерики. Мужиков полно. И все не бедные, кстати. Один машину купил, другой шубу. А мы ее с тобой давай пожалеем!

— Ну, при чем тут машина и шуба? — искренне удивилась Лена. — А муж, дети? А радость от детей, отдача?

— Много у тебя от мужа радости? — поинтересовалась Слава. — А от детей? Сначала сопли, пеленки. Бессонные ночи. Бьешься

одна. Муж злющий — ему завтра на работу. Ты валишься с ног от усталости. Считаешь копейки. Думаешь о лишней паре колготок. О лишнем часе сна. Потом детки растут. И тут уж начинают пить из тебя кровь взрослому. Опять не спишь ночами. Сходишь с ума. У мужа все больше портится характер, и комплексов год от года прибавляется. Дальше появляются суки невестки и уроды зятя. Внуки. Сопли, пеленки. Хамство. Обиды. Дальше продолжать?

Лена сидела, опустив голову.

— Неужели все так ужасно? — тихо спросила она. — Ты все про меня знаешь?

— При чем тут ты? Обычная среднестатистическая история из жизни российской женщины, — усмехнулась Слава. — Просто Жанку жалеть нечего. Живет человек в свое удовольствие. А ты еще вспомни про стакан воды...

— А ты? — спохватилась Лена. — Ты же вышла замуж и родила!

— У меня другая история, — отрезала Слава.

Вечер был безнадежно испорчен. Они молча допили вино и, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись.

Лена легла в постель и почему-то заплакала. А потом подумала, что соскучилась по дочке и сыну и даже немного по мужу.

«Другая история, — подумала она. — Ну и у меня другая история. Не у всех же все одинаково!» Спалось ей отлично — она не помнила, когда в последний раз так спала: без тревог и душных, беспокойных сновидений, без вечной боязни проспать и опоздать. В комнате было прохладно, и от ветра мягко колыхалась легкая занавеска. Проснувшись, Лена зажмурила глаза от яркого солнца. Она сладко потянулась, улыбнулась и быстро вскочила с постели. Внизу пахло кофе и жареным хлебом. Слава сидела на высоком барном стуле, пила кофе и возбужденно разговаривала по телефону. Она кивнула Лене и махнула рукой на кофеварку. Наконец она закончила разговор и раздраженно бросила трубку.

— Проблемы? — спросила Лена.

— А ты думаешь, у меня их нет? — резко ответила та.

Лена опустила глаза.

— Извини, — бросила Слава.

Лена кивнула.

— Просто стоит уехать на пару дней — и ощущение, что прошло цунами, — продолжила Слава.

— Я стараюсь не думать, что там у моих, — улыбнулась Лена.

— Тоже думаю, что без тайфуна не обошлось. Ты позвони! — Слава кивнула на телефон.

— Боюсь, — призналась Лена.

— Тогда ну их ко всем чертям! — сказала Слава. — Уверяю тебя, справятся и точно не пропадут. Может, даже наконец оценят наш непомерный вклад в их собственную жизнь. — Она выключила мобильник.

Потом они долго пили кофе — уже на веранде в саду — и намазывали горьковатый апельсиновый джем на теплые тосты. Лена собралась на море, а Слава сказала, что поедет в город — в банк и по всяким другим делам. Лена надела купальник, взяла полотенце и знакомой дорожкой почти побежала на пляж. С моря дул довольно холодный ветер, и на берег накатывали мелкие, с пенистыми гребешками волны. Купаться не хотелось. Лена завернулась в полотенце и решила, что будет просто дышать морским воздухом и смотреть на море. Лучшая терапия! Она не заметила, как уснула. Проснулась от того, что кто-то тряс ее за плечо. Над ней стояла Слава.

— Сгоришь, сумасшедшая! На таком ветру!

Лена поднялась, отряхнулась от песка и, с трудом приходя в себя от сна, двинулась вслед за Славой. Лена действительно прилично обгорела, и Славе пришлось ехать в аптеку за мазью. Лена извинялась и переживала — столько из-за нее хлопот! Весь оставшийся день она проспала, спустилась только к вечеру — очень захотелось есть. Во дворе Слава разжигала костер для барбекю.

— Жива? — усмехнулась она. — Ну, раз есть захотела, точно оклемалась.

На этот раз Слава жарила на решетке бараньи ребрышки, посыпанные розмарином и гранатом. Запах от мяса стоял одуряющий. Открыли бутылку красного вина.

— Обожаю мясо, — сказала Слава, вгрызаясь в отбивную крепкими, белоснежными, ровными зубами.

— А я все люблю, — простодушно откликнулась Лена. — Только вот повариха из меня никакая: вечно то горит, то убегает. Свекровь называет меня тетехой, и она, наверное, права. Даже наверняка.

— А ты ее как называешь? — поинтересовалась Слава.

— В каком смысле? — не поняла Лена.

— В прямом, — усмехнулась Слава. — Ну там, старая дура или ходячий в климаксе маразм.

— Шутишь?

— Почему? — удивилась Слава. — Она же тебя оскорбляет, унижает, и наверняка при муже и детях.

Лена промолчала, а Слава продолжила:

— На тебе же крупными буквами написано: «Садитесь на меня и езжайте!» Весь твой вид усиленно приглашает к этому действию. Седлайте, я все осилю! А так нельзя. Просто надо думать о себе. Кроме тебя самой, о тебе никто не вспомнит. Ты уж мне поверь! А свекрови своей дорогой скажи, что за годы жизни с ее сыном тебе уже положена ранняя пенсия, как у балерины или чернобыльского ликвидатора.

— Почему? — обиделась Лена. — Сережа хороший и порядочный человек. Не пьет, не гуляет.

— Знаешь, иногда лучше, чтобы пил и гулял, — ответила Слава. — Это я так, в общем. Не про тебя конкретно. Не обижайся. Но то, что твой Сережа — тот еще перец и зануда, каких мало, не мне тебе объяснять.

Лена, конечно, обиделась. Хотя что душой кривить? Эта Слава умна, как дьяволица. И все в ее словах — правда. Только кто от нее ждал этой правды? И кому она нужна в таком виде? Про себя она вообще слова не говорит, а это не по правилам. Или она счи-

тает, что приютила ее на несколько дней и поэтому может говорить гадости? Первым порывом Лены было встать и уйти к себе. Но это совсем выглядело бы глупо, да и идти на открытый конфликт было совсем ни к чему.

— А у тебя как? — ехидно спросила Лена. — Все гладко и складно? Все по струночке? Сбоев не бывает?

— Обиделась, — вздохнула Слава. — А я ведь честно не хотела. Клянусь! — Она замолчала, вздохнула и сильно затянулась сигаретой.

Обе долго молчали, а потом Слава проговорила:

— У меня многое в жизни было — и нищета, и богатство. И находки, и потери. И разочарования. И бесценные приобретения — в прямом и переносном смысле. Все было. Только скуки не было. Совсем нескучная была жизнь. — Она замолчала и долго смотрела на темнеющий сад. — Хочешь, расскажу? — Она повернула голову и посмотрела на Лену.

Лена в волнении сглотнула слюну и кивнула. Слава открыла вторую бутылку вина, разлила его в бокалы и улыбнулась:

— Все равно делать нечего! Только языками чесать. — Она отпила вина и снова заку-

рила: — Ну, пожалуй, начнем! Когда утомлю, остановишь!

Лена кивнула.

— Мать родила меня поздно, в тридцать пять, — начала Слава. — У нас все женщины рожали поздно. Только я разрушила традицию. Мать и рожать меня не очень-то хотела — во-первых, без мужа, а во-вторых, бедность была страшная. Коммуналка — семиметровая комната и двенадцать соседских семей. Типичное питерское жилье. Работала мать в фотоателье, приемщицей. Зарплата копеечная, но, правда, и работа непьющая. Да ей другая и не подходила — слишком слаба была здоровьем: астма, вечные бронхиты и пневмонии. Питерский климат ей вообще был противопоказан. Врачи в один голос говорили, что надо купить какое-нибудь жилье на море и навсегда поселиться там. Но мы, сколько ни старались, так и не смогли обменять свою комнатушку на что-нибудь с удобствами в Крыму — предлагали один Шанхай. Правда, еще была хорошая квартира у бабушки, ее матери. На Рубинштейна. Двухкомнатная, с тремя окнами фонарем в большой комнате. Но она наотрез отказалась из нее уезжать. Здоровье дочери ее вовсе не заботило. Но про бабушку потом. У матери был роман с зав ателье. Мужичок он был завая-

щий, скуповатый и трусливый. Но раз в год, в отпуск, подбрасывал ей денег, чтобы она на море съездила. В тот год мать поехала в Алупку и зароманилась с молодым красавцем греком. Он пел в кабаках на побережье. Хорош был — глаз не оторвать. Да, впрочем, какой там роман — у него были лучшие девицы курорта. Просто переспали пару раз, ну мать сразу и залетела. Видно, грек этот был ядреный мужик. Схватило сразу, как клей «Момент». Как уж она пыталась от ребенка избавиться! — Слава замолчала и рассмеялась: — Но от меня так просто не избавишься! В общем, делать было нечего — пришлось меня донашивать. Бабка в любой помощи сразу отказала. Сказала, что внебрачный высерок ей не нужен. А пенсия у нее была огромная по тем временам — персональная, за мужа, мелкого функционера. В общем, мать с бабкой окончательно разругались, хотя и до этого отношения были, мягко говоря, не ахти. Мамин любовник сразу испугался, что ребеночка припишут ему, и быстренько с матушкой расстался. Осталась она одна, плюс я — хорошая помощница. Одни проблемы. Денег хронически нет. Соседи орут: «Заткни своего бастарда». Если они, конечно, знали такие слова. Но в Питере ведь публика интеллигентная! А я дей-

ствительно орала как подорванная. Видимо, была голодная — у матери почти не было молока. В общем, в год отдала она меня в ясли, а сама пошла в них работать нянечкой. Там, по крайней мере, мы были сыты, хотя из соплей и ОРЗ я, понятное дело, не вылезала. Когда у матери случались обострения и нужно было ложиться в больницу, она умоляла бабушку забрать меня хотя бы на пару недель. Но та стояла насмерть — ни в какую. И тогда меня определяли в круглосуточные ясли. Всю ночь лежала в мокрых пеленках, от холодной манной каши меня рвало, и за это меня били мокрым и вонючим полотенцем по лицу. Маме нужен был Крым, хотя бы три месяца в году. Любовника, подбрасывающего хоть какие-то деньги, уже не было. Питаться ей надо было тоже определенно: фрукты, овощи, сливочное масло, рыночный творог, парная печенка — гемоглобин у нее был ни к черту. А ели мы плавленые сырки, яичницу или пельмени — готовить она так и не научилась. В общем, жизнь у нее была — врагу не пожелаешь: ни денег, ни мужика, ни поддержки. А главное — не было здоровья. Она меня, конечно, любила, но я не уверена, что она ни разу не пожалела, что меня родила. Правда, потом я ее радовала — училась легко, бегала по всяким кружкам, и везде меня

хвалили. А хорошенькая я была — просто кукла. Люди на улице останавливались, чтобы меня получше разглядеть и по головке погладить.

Даже бабка меня оценила — говорила, что я еще задам перцу. Это из ее уст был лучший комплимент. Она даже просила меня открыть рот и зубы показать, как будто лошадь покупала. Я к ней иногда забегала — она мне рубль подбрасывала или, в редком случае, два. Я хвасталась перед мамой, а та смеялась и говорила, что я дурочка. Что для бабки эти подачки — капля в море. И однажды шепотом сказала, что бабка — очень богатая. Очень. Но нам от этого ни пусто, ни густо. А вернее — пусто. И еще добавила, чтобы я ни на что не рассчитывала: все равно ничего не обломится. Я тогда удивилась: «Почему?» А мама жестко ответила: «Потому!» И сказала, что больше к этой теме мы возвращаться не будем. Я рано стала взрослой — при такой-то жизни. Уже в четырнадцать всю крутила романы. Серьезные. В смысле, спала с мужиками — музыкантами какими-то, рокерами. В общем, неформалами. Мать ни на что не реагировала — ей было не до меня, она уже почти не вставала, была на инвалидности, бабка говорила, что я полная дура.

«Такой товар имеет цену», — цедила она и цепкими пальцами поднимала мой подбородок.

После восьмого класса я пошла работать в Мухинское натурщицей. Спрос на меня был огромный. Я там сразу стала своей и наконец действительно влюбилась. — Слава встала, потянулась и взъерошила волосы на голове. — Пойду поставлю чайник, очень хочется кофе! — В дверях она обернулась: — Я тебя не утомила?

Лена усиленно замотала головой.

Слава вернулась минут через десять, неся в руках турку с кофе и две кофейные чашки. Она удобно угнездилась в кресле, разлила кофе и закурила.

— В общем, мама тихо умирала, а я жила своей жизнью и ничего не видела вокруг. Однажды бабка мне дала денег. «Купи на рынке курицу и свари матери бульон», — сказала она.

Курицу я сварила, но потроха не вытащила. В общем, бульон испортила. Но мама курицу все равно съела. Ела и плакала. Соседка мне объяснила, как сварить бульон — с луком, морковью. Я пошла к бабке, все ей рассказала и попросила денег еще на одну курицу. В магазинах тогда ничего не было, а цены на рынке — сумасшедшие. Бабка по-

смотрела на меня и сунула мне в лицо здоровенную фигу.

В восемнадцать я забеременела. От своего любимого. Он был очень талантлив, подавал большие надежды, но беден как церковная мышь. Мать его жила где-то под Киевом, в селе под названием Остров. Вдовела, жила одна, болела, скотину не держала. Перебивалась кое-как, но посылала с проводником в Питер сало, картошку, банки какие-то. Это нас здорово поддерживало. Про свою беременность я матери не сказала — понимала, что она тихо уходит. Мы расписались и жили в общежитии. К матери я прибегала каждый день, иногда оставалась ночевать. Вот в одну из таких ночей она мне и рассказала все про бабушку. И после этого рассказа я долго не могла прийти в себя. И до сих пор не могу. — Слава хрипло рассмеялась.

Она долго молчала. И Лена молчала тоже. Понимала, что сейчас услышит какую-то трагическую историю, страшную тайну, и ей было не по себе, как-то даже жутковато, но при этом она с замиранием сердца ждала продолжения, и Слава наконец заговорила.

— Бабушка родилась в 1898-м. Она была из обедневших мещан, которые решили попробовать себя в торговле. Открыли канцелярскую лавку, но дело не заладилось. Пере-

бивались с хлеба на воду. В доме было три дочери, и всех надо было пристроить, а это было делом непростым. Младшая, Ганечка, от этих проблем их сама освободила — умерла от чахотки. Уже легче — осталось две сестры: средняя, Клавдия, моя бабка, и старшая — Зинаида. Зинаида была хорошенькая: тоненькая, белокурая. Глупенькая, правда. Все хихикала непонятно чему. А Клавдия в семье считалась самой умной, даже отец ее побаивался и никогда не трогал, а рука у него была тяжелая. Но вот красоты бабке бог не дал — носик уточкой, глазки блеклые, волосы серые. А вот стать была: рост хороший, бюст, бедра. Голова назад закинута, подбородок кверху — типа, всех я вас имела в виду. Впрочем, так оно и было — всех всю жизнь она имела в виду. Зинаиду просватал какой-то дальний родственник из деревни. Сбагрили ее и до смерти радовались, а к Клавке никто не сватался, все ее побаивались. Впрочем, один смельчак нашелся. Лавку свою убыточную они к тому времени решили продать, и покупатель, купчишка какой-то мелкий, на Клавку запал, сделал ей предложение. Складывалось все удачно: и дочка пристроена, и лавка на месте. Но Клавдия еще долго ерепенилась, мурыжила жениха. Тот от любви весь высох. Короче говоря, сыграли свадьбу

в 1914-м, Клавдии было тогда шестнадцать лет. Наняли квартиру рядом с родителями. В лавке дела шустрее пошли. А вот семейная жизнь у молодых не заладилась. Муж ее любил до смерти, а молодая в чувствах была холодна и скоро отказала ему от постели. Говорила, что не любит и что замуж ее выдали против воли. Он старался, как мог. А Клавдия была безучастна. Что делает русский мужик в таком случае? Запивает. И он запил. Страшно, по-черному. Разорились они быстро, и он уже стал из дома вещи таскать. Говорили, что била она его страшно — сковородой, ухватом. Уходила к родителям, а те гнали назад, «к законному». В общем, где-то через год после «счастливой» семейной жизни он пропал. Подали заявление в полицию. Нашли труп какого-то утопленника. Опознать его было почти невозможно, но Клавдия признала, что это ее муж. Похоронили. Отец ее тоже вскоре умер, мать Зинаида забрала в деревню — с детьми помогать. Клавдия осталась одна как перст. Ни родни, ни денег. А выживать надо. Сделала себе рекомендации липовые — умная была, ловкая, — устроилась прислугой в богатый дом. А там своя история. Хозяйка из купцов, очень богатых и известных. А хозяин — из обедневших князьев, родословная хорошая, а сам гол как сокол. Жил

за счет жены. Вот такой мезальянс. Мало того, еще картежник был и гуляка, да и выпить не дурак. Жена его любила до смерти, а сама слаба здоровьем была — родить ему не могла. Вот он на этом и играл — она боялась, что он уйдет, и денег ему давала без счета, а сама страдала невыносимо и болела. Неделями в постели лежала и слезами умывалась. В общем, по закону жанра, бабка моя с этим князьком сошлась. Ему, молодому и здоровому, естественно, была нужна здоровая баба. К девицам он не ходил — был брезглив, а любовницу не заводил — на нее нужно было тратить, да и боялся огласки. А здесь, думал — простая деваха, наивная. Будет счастлива от самого факта. Но просчитался. Скоро Клавдия забеременела. Он был на седьмом небе. А она — свои условия. Из прислуг — уходит. Далее — квартира ей нужна маленькая, но уютная. И в хорошем доме. Содержание, естественно. Ребенку приданое. Прислуга не помешает. И так далее — со всеми вытекающими. Он был слегка ошарашен, но условия ее принял. Зная бабку, не исключая, что там нашлось место и шантажу. Но он страстно хотел ребенка, и к тому же к ней тоже успел прикипеть. Не заметил, как влюбился, и уже не мог без нее жить. — Слава усмехнулась: — Знаешь, видимо, в делах интимных она была

большая дока. Ну, мне почему-то так кажется. Даже в старости чувствовался в ней какой-то мощный импульс, несмотря на то что красавицей она не была. Да и красота не имеет к этому ни малейшего отношения. Ну, ты понимаешь, о чем я. Вспомни историю, — продолжала Слава. — Все великие любовницы были отнюдь не красавицы.

Лена кивнула, соглашаясь.

— Как ты понимаешь, все ее условия он, конечно, выполнил. Зажила она весьма и весьма неплохо — так, как никогда не жила. Другая бы радовалась, а ей показалось мало-вато. Что ей квартирка в три комнаты, когда есть дом на Гороховой? Что ей прислуга, когда могут быть и горничная, и кухарка? А экипаж? А магазины, курорты, заграница? Загородное поместье? Короче говоря, сказка о Золотой рыбке, не иначе. Он ей объяснял, что развестись никак не может — живет на средства жены. А она его пугала, что отвезет ребенка к богатой родне в деревню, и он его не увидит. Как всякая аферистка, умела блефовать, а он, дурак, велся и валялся в ногах. Что бы как-то ее умаслить, стал тырить драгоценности у жены и таскать ей. А там ничего простого не было — сплошной Фаберже. Клавка на какое-то время утихала, а потом опять за свое. Он утешал ее тем, что жена

совсем плоха и осталось ей немного. В общем, надо подождать. Дождались — грянула революция. А когда началась экспроприация экспроприаторов, законная его в одночасье от сердечного приступа и померла — когда brave матросики начали при ней заворачивать в скатерти вазы эпохи Янь и столовое серебро. А муженек ее тем временем ховался у возлюбленной. Это было выгодно — с происхождением у той все было в порядке. Что мог, он из тайника в доме на Гороховой ночью вынес. Кое-что успел забрать из банковского сейфа — и это было чудо. Клавдия родила мальчика — восьмимесячного, раньше срока. С князем они оформили законный брак, и он умолял ее бежать. Она бы рада, но заболел и без того слабый младенец. Клавка была готова сдать его в больницу или в приют, говорила, что он не жилец, но князь посмотрел на нее как на умалишенную, она испугалась и замолчала. Ребенок умер через месяц. И тут свалился с инфлюэнцей князь, а через несколько дней — она сама. Оба лежали в бреду и с высочайшей температурой. Некого было даже послать на рынок за молоком — прислуга испугалась заразы и сбежала. Князь умер, а Клавка еще лежала рядом с ним два дня, только потом хватило сил оттащить его труп в прихожую. Когда она чуть пришла

в себя, то собрала вещи и стала пробираться к сестре в деревню. Оделась по-деревенски, все ценности зашила под нижнюю юбку. Говорила, что юбка была неподъемная. В деревню она пробралась без потерь. Кто будет осматривать простую деревенскую бабу? Сестра Зинаида пожалела ее, но приняла без радости — своих семеро по лавкам. Все свои цапки Клавка, естественно, из юбки выпоролла, положила в старый бидон, который зарыла в саду под грушей — в лучших традициях детективного романа. Отсиделась у Зинаиды пару лет и поняла, что ловить в голодной деревне нечего и надо возвращаться в город. В 22-м вернулась в Питер.

Слава замолчала и прикрыла глаза.

— Это все? — почему-то шепотом спросила Лена.

Слава ответила не сразу.

— Ну почему же все? — Она глубоко вздохнула. — Дальше же тоже была жизнь. Бабка моя дожила до девяносто пяти. На пять лет пережила мою мать, то есть свою дочь. Так что это — только первая часть марлезонского балета. — Слава встала и прошла по террасе. — Ноги затекли и спина. Может, спать? Все остальные страшилки оставим на завтра? Ну, чтобы завтра не грустить? — Она улыбнулась и широко зевнула. — Что-то я устала.

— Знаешь, — вдруг сказала Лена. — У меня тоже ведь похожая бабка была. Ну, не в смысле, чтобы похожая, а тоже — непростая. Мать моего отца. Муженек ее был зам наркома. Жили на Горького, напротив «Арагви». Обеды и ужины им приносили прямо оттуда. Он, конечно, не спасся — сел. И пропал — десять лет без права переписки. Ну, ты понимаешь, что это тогда значило. Она чудом уцелела — успела удрать в Казань, к сестре, с моим отцом, совсем младенцем. Он родился в тридцать восьмом, своего отца не помнил. Вернулась она в Москву в пятьдесят пятом — уже не молодуха, но по-прежнему красотка. Опять вышла замуж, еще удачней прежнего — за директора большого универмага. Правда, и он был дядька непростой — с хорошим образованием, знал классическую музыку, обожал балет, разбирался в живописи. Знаешь, в те годы директор магазина — это большая шишка. Все хотели с ними дружить. Началась светская жизнь. Они обожали балет и драму, на всех премьерах — в первых рядах, бабка в длинном платье и меховом палантине. Дружили с художниками, композиторами, писателями, артистами. С признанными и обласканными властью и не очень. Бабка чувствовала талантливых людей. Устраивала у себя суаре, что-то типа светских салонов.

Накрывался роскошный стол, звучали рояль и скрипка. Правда, и странных, темных личностей в доме крутилось много. В общем, очень смешанная там была публика: торгаша, крупные дельцы — они, по-моему, назывались тогда цеховиками, — военные причинах, актеры и прочая творческая тусовка. Странный это был дом: богатый, хлебо-сольный, шумный. Разноцветный какой-то. К сыну, моему отцу, она относилась прохладно — он ее образ жизни не принимал. Рано ушел из дома в общагу, ходил в походы, сплавлялся на байдарках, носил бороду, пел под гитару у костра и читал запрещенную литературу, одним словом, был отщепенцем. Она его даже стеснялась и побаивалась его диссидентских, как ей казалось, знакомых и тоже не принимала его образа жизни. Она-то при этой власти жила замечательно, все ей дала эта власть. И заметь, не трогала почему-то, позволяла веселиться. Зато она страстно полюбила дочь своего мужа — та тоже была светской девицей. Дружили и общались они захлеб. Мать мою она, естественно, не приняла — простая девочка из Курска, медсестра. Пыталась всю жизнь сына сосватать — даже когда он уже был женат и родилась я. Ко мне, что естественно, относилась совершенно равнодушно, будто меня и не было вовсе.

Даже с днем рождения забывала поздравить. А внуков от падчерицы — обожала. Муж ее через десять лет после свадьбы умер — прожили они не так много, — и его семья окончательно стала ее семьей. Конечно, она была молодец — никак не хотела мириться с возрастом: про болячки не говорила из принципа, до самой смерти продолжала ходить в театры и на выставки, много читала, ездила в гости к оставшимся подружкам — тоже дамам, как ты понимаешь, не простым, из прошлой жизни. В общем, тусовалась бабуля вовсю. Зла она мне не сделала. Впрочем, как и добра. Ну, и бог с ней! — улыбнулась Лена. — Пусть спит спокойно! Но знаешь, что странно — на ее похоронах я сошлась довольно близко с ее падчерицей. С той, которую всю жизнь терпеть не могла и которую ревновала к бабке, конечно. Не могла понять — как так? Она — не родная, а самый близкий бабке человек. Не я, не мой отец. Она ведь совершенно из другого теста, из другой среды, такая светская дама. Резковатая, правда. Но мы даже почти подружились. Нет, это, конечно, громко сказано, но перезваниваемся, поздравляем друг друга с праздниками. Ездим вместе к бабке на кладбище. Она тетка богатая, думаю, что очень богатая, но без пафоса. Нормальная, в общем.

— Ну, пошли, подруга, спать. — Слава снова зевнула. — Завтра опять языками почешем. Что нам еще делать? Да и с делами своими я вроде почти разобралась. Так что будем отдыхать. Может, даже пойду с тобой на море, если ветра не будет. — Слава ополоснула кофейные чашки и бокалы, бросила в ведро пустые бутылки, пожелала Лене спокойной ночи и пошла к себе.

Перед сном Лена намазалась мазью — тело, особенно плечи и грудь, еще здорово болели. Она легла в кровать и отправила эсэмэску мужу. Про себя — пару слов: мол, все замечательно. В основном — вопросы про детей. Муж был предельно краток. Впрочем, как обычно. Другого она и не ожидала. Главное было услышать, что все здоровы. А остальные мысли она прогнала прочь.

Утро было солнечным и безветренным. Быстро выпили кофе и стали собираться на пляж. Позвонила Жанка, полюбопытствовала, как они и что. Спросила у Лены, как у них со Славой. Лена сказала, что все отлично. Жанка выдохнула: «Ну, слава богу! А то я немного нервничала — баба она непростая». Потом Жанка посоветовала не расслабляться и напомнила, что осталось два дня. Лена подумала о ней с нежностью: да, в школе они были подруги — не разлей вода, а потом

жизнь все равно развела: слишком разная у них была эта самая жизнь. Нет, созванивались, конечно, часто. Были в курсе жизни друг друга. Но у каждой свои интересы, и Жанка вообще спокойно могла не вспомнить в такой ситуации о Лене. А нет — вспомнила. И устроила такой праздник. Все-таки хороший она человек, эта Жанка. И абсолютно бескорыстный.

* * *

Море было спокойное, ярко-бирюзовое. Лена замерла от восторга и тут же бросилась в воду. Как ей показалось, вода стала теплее. Она даже немного сплавала вглубь.

Слава лежала на полотенце, поблескивая кремом от загара и вытянув руки по швам.

Лена, радостно фыркая, вытиралась полотенцем.

— Не брызгай, холодно, — недовольно сказала Слава.

«Не в духе», — подумала Лена и подвинула свое полотенце в сторону.

— Кремом намажься, — напомнила Слава, — а то прилетишь в Москву как чучело. — И опять замолчала.

— Ты не в духе? — наконец осмелилась спросить Лена. — Плохо спала?

— Я всегда сплю отлично, — отрезала Слава, — невзирая на обстоятельства. Должно же мне было что-то достаться от моей престелной бабули. Например, крепкие нервы.

Лена вздохнула и легла на спину, подставив лицо солнцу. Она подумала о том, что в принципе ей вполне хватило этих пяти дней, хотя, казалось, что это ужасно мало. И еще подумала о том, что жутко соскучилась по своим — по детям и мужу. И вдруг вспомнила, что надо купить всем подарки — заграница все-таки. Всем будет приятно. А с этим она без Славы не справится.

— Спишь? — тихо спросила она Славу.

— Нет, — ответила та. — Ночью выспалась.

— Слушай, мне как-то неудобно, — начала мямлить Лена. — Ну в общем, я бы хотела съездить в какой-нибудь магазин неподалеку. Сувениры купить своим. Если можно, конечно.

Слава приподнялась на локте:

— Я уже об этом думала. Что-то засиделись мы с тобой, подруга. Так что обедать поедем в город и там заодно все и купим. Не в аэропорту же подарки покупать — там цены бешеные.

— Ой, — вспомнила Лена. — Мне ведь на работу надо духи купить. Директрисе!

— Это можно в дьюти-фри, — разрешила Слава. — По деньгам то же, и качество, скорее всего, нормальное.

Лена еще раз залезла в воду и стала звать Славу, но та так и не решилась. Сказала, что приедет сюда, скорее всего, еще в августе. Тогда и купается. Теперь Лена торопила Славу уйти с пляжа — ей скорее хотелось в город, посмотреть окрестности и, конечно, пошататься по магазинам.

Дома наспех схватили по бутерброду, переоделись и наконец двинулись.

До города было около часа, и дорога шла вдоль моря. Слава рассказывала, что природа на Кипре довольно скудная, хотя есть и живописные места. Зато чудесный климат — купальный сезон вплоть до середины ноября. И прекрасные местные жители — спокойные, уравновешенные и совершенно ненавязчивые, не сравнить ни с Испанией, ни уж тем более с Турцией. Так что английское влияние не прошло даром. Слава повеселела, у нее явно поднялось настроение, да Лена ее и не осуждала: почти неделю с абсолютно посторонним и чужим человеком в своем, между прочим, доме. Ей это надо? Так что спасибо за одолжение. Лена привыкла всех и всегда оправдывать, а здесь и оправдывать было нечего — Слава была вполне до-